

Дмитрий МИЗГУЛИН

г. Санкт-Петербург

ПИСЬМА ПИТЕРСКОМУ ДРУГУ

(письма русского поэта Александра Роскова Дмитрию Мизгулину)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпистолярный жанр нынче не в моде. Раньше было всё по-другому. Писали и почаще, и пространней, и подробней.

Возьмите сочинения русских классиков: Тургенев, к примеру, 13 томов сочинений и 15 писем. То же примерно и у Чехова, и у Достоевского.

Переписка писателей – неотъемлемая часть их естественного творческого процесса. Порой именно в переписке можно найти и глубокие мысли, и философские исторические обобщения, и яркие художественные образы...

В Советской России ситуация принципиально поменялась. Переписка не только цензурировалась (читалась компетентными органами), но и за несвоевременные мысли и взгляды, за случайные высказывания можно было и срок получить немалый, а то и вообще лишиться жизни...

Да и мыслями делиться надо было аккуратно: большинство доносов писали сами творцы художественного слова, так как вряд ли полуграмотному следователю с начальным образованием удалось бы осилить ту или иную книгу...

Кто-то должен был углубиться в текст и по достоинству оценить художественное осмысление (а точнее – очернение) действительности.

Ну и писали-то доносы с целью устранения кого-то из пищевой цепочки, отодвинуть от кормушки, ну и из-за зависти конечно. Так что переписка сама по себе как-то поиссякла...

А тут ещё и средства связи: вначале телефоны городские – болтай сколько хочешь (правда, с оглядкой на прослушивание), а потом и вовсе – таскай с собой трубу и пиши в неё, и смотри на собеседника по экрану... И интернет – с перепиской...

Словом, канул в Лету целый жанр. Хотя нынче электронная переписка живёт и процветает, но это уже не то...

А так чтобы вот сесть за стол, попить чайку (или чего покрепче), взять чистый лист бумаги и вспомнить собеседника – друга и соавтора, потому что будешь писать, думать, вспоминать, слышать его голос, выстраивая воображаемый диалог, а потом сложить вчетверо лист, а то и два, положить в конверт, а поутру опустить в синий почтовый ящик – с гербом СССР – и ждать не-

дельку письма от друга-приятеля... Ответ так же приходил по почте.

В каждом подъезде на первых этажах висели почтовые ящики с номерами квартир и дырочками на фасаде каждого ящика, так, чтобы жителю видно было белый или цветной проблеск конверта или газеты, или журнала – что-то есть... Тогда ты открывал ящик, доставал конверт и уже дома, поудобнее усевшись за стол, начинал читать письмишко, слыша голос собеседника на расстоянии тысяч километров...

* * *

Я жил в Питере на Пулковской улице, недалеко от площади Победы, где сейчас стоит знаменитый Монумент защитникам Ленинграда.

В 1987 году я поступил в Литературный институт им. М. Горького – тогда очень престижное учебное заведение. Там во внутреннем дворике-садике мы и познакомились с Сашей Росковым, приехавшим из Каргополя. И это было начало нашей дружбы...

Но немного истории: почему я там оказался. В начале 80-х годов литературная жизнь Ленинграда была настолько своеобразна, что стоит об этом написать отдельно.

Нынешнему поколению пишущих никогда не понять проблему с опубликованием собственных опусов. Во-первых, есть интернет, сети, сайты, электронные журналы и т.д. Если есть желание (и деньги, кстати, совсем немного), можешь издать на свой вкус и всё что хочешь: роман, рассказ, повесть...

Вот как я, например, издал книгу писем Александра.

А тогда были времена иные. О цензуре я умолчу, до неведомого Горлита доходили далеко не все произведения авторов – многие просто вообще никуда не выходили за узкий редакторский круг. На весь Ленинград (и область в придачу) был один Союз писателей СССР.

В Ленинградском отделении числилось чуть более 400 человек. Это всех вместе: поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов.

На всю эту ораву пишущих было всего три литературных журнала: «Нева», «Звезда» и «Аврора», которые к тому же ещё были прикреплены к разным ведомствам. Так, например, учредителем журнала «Звезда» был СП СССР (!), «Нева» числилась органом СП РСФСР, а «Аврора» – вдобавок ещё и органом ЦК ВЛКСМ. Это всё означало, что

в этих ленинградских журналах печатали не только местных, но и авторов со всего огромного СССР. Так что мест для публикаций не хватало просто катастрофически и для членов ЛОСП РСФСР, не говоря уже о начинающей братии.

Издательств в Ленинграде было всего два: «Лениздат» принадлежал Ленинградскому обкому КПСС и издавал огромное количество книг, но на современную (в том числе питерскую) литературу выделялось в плане не больше 10-15 позиций.

То же самое было и в ленинградском филиале издательства «Советский писатель».

Правда, были ещё коллективные прозаические и поэтические сборники, а для молодых был альманах «Молодой Петербург», издаваемый и поныне. Эти издания назывались в народе «братскими могилами». Да и в эту «могилу» попасть было непросто.

Помимо членов ЛОСП РСФСР было ещё примерно около 200 человек, которые числились при так называемой профгруппе: кто-то издал одну книжку (а для вождя членства надо было две); кто-то, к примеру переводчики, – наиздавали уже немало коллективных творений... Членство в этом сообществе давало творцам право не только работать где-то сторожем, истопником, трубочистом или дворником (очень популярные в то время профессии для литераторов), но и заниматься творчеством в свободное от основной работы время.

Просто занятие творчеством без определённой профессии именовалось тунеядством и каралось тюремным заключением, в лучшем случае ссылкой в отдалённые районы. Пример – Иосиф Бродский.

А я входил в разряд начинающих. Все, вроде меня, посещали литературные объединения, где потом обсуждали творчество участников данного кружка и очень редко имели одну публикацию в год... О книжках даже речи не было.

Профессионалы, бывало, ждали по несколько лет.

Надо отметить, что литературное творчество тогда оплачивалось хорошо.

Например, в журналах строчка (!) стиха стоила 1,5-2,5 рубля. То есть четыре строчки – 10 рублей. Тут тоже был тариф: члены СП РФ получали больше.

Средняя месячная зарплата инженера составляла примерно 120 руб.

А 10 строк стихотворения – 25 рублей.

А ещё, если писать по Маяковскому – лесен-

кой, то за одно и то же можно было получить дважды.

К примеру:

Люблю я Родину свою – стоило 2 руб. 50 коп.

А –

Люблю я

Родину

свою – 7 руб. 50 коп.

Поэтому Маяковский был очень популярен среди подражателей.

К примеру, бутылка водки стоила 3 руб. 62 коп. Это «Русская водка». Подешевле была «Любительская» – 2 руб. 40 коп. Таким образом, за одну строчку можно было купить 2 бутылки с закуской.

Как вы понимаете, никто по одной строчке не печатал, как минимум 50 строк набегало. Я до сих пор помню свой первый гонорар в журнале «Молодая гвардия» – 245 рублей. Это примерно чуть больше месячного денежного содержания начальника финансовой части артиллерийского полка в Баку, где я проходил службу.

Но помимо публикаций члены СП РФ получали много льгот: квартиры, санатории, Дома творчества...

Чрезвычайно доходной частью было рецензирование рукописей молодых авторов.

За рецензии платили что-то около 30-40 рублей за ответ, точнее за «отлуп».

Весь литературный процесс выглядел примерно так: молодёжь творила с целью попасть к читателю, а единственная (и законная) дорога вела в СП РФ. А там, как я уже сказал, и самим-то сидельцам хватало не на всех.

Да ещё была уникальная возможность за деньги написать отрицательную рецензию и отодвинуть очередное юное дарование из конкурентного поля.

Конечно, кто-то пробивался, кому-то помогали... Но в целом – всё было очень грустно. Молодые ходили в молодых до 60 лет... Да так в девках и помирали.

Иное дело было в Москве. Там литературная жизнь бурлила даже в годы застоя. Хотя, по сути, все страдали от обыкновенного отсутствия элементарной свободы печатного слова.

В Москве пишущей братии, любой, было в разы больше, чем в городе Ленина.

Москва собирала стяжателей литературного слова со всех концов многонационального Отечества. Многие из них имели «выходы» на больших и не очень литературных, а то и партийных начальников, которые кивком головы или жестом могли запросто решить вопросы жизни и смерти

любого затрапезного творца, уничтожить одного или вознести на недосягаемую высоту.

В Москве в те годы можно было запросто «выстрелить» или так же запросто слететь с литературного Олимпа. В Москве уживались и те, кто постоянно шастал по заграникомандировкам и привечался враждебным Западом. И те, кто поднимался незаметно с самых низов крестьянской Руси...

Словом, Москва в те времена была настоящим литературным Вавилоном.

В ресторане ЦДЛ (Центральный дом литераторов) ты мог запросто увидеть небожителя, вроде Михалкова, со звездой Героя на лацкане импортного пиджака, а то ещё и попасть за столик рядом с Куняевым или Кожинным, краем уха лова беседы о русском мироздании и сионистском заговоре.

В Москве был совершенно иной круг общения, в Москве можно было опубликоваться и даже пометать об издании книжки.

В Питере на одной из литературных тусовок (а были и такие, как правило, организуемые Ленинградским обкомом комсомола с целью контроля за творческой молодёжью) я познакомился и подружился с Петром Кириченко.

Петру тогда ещё не было и 40 лет. Он был лётчиком (штурманом в Пулковском авиаотряде) и издал две книги прозы. Пётр взял шефство надо мной не только как старший товарищ, но и как организатор моих первых больших публикаций в Москве.

Жили мы неподалёку – у площади Победы. Он с одной стороны, на Авиационной, я с другой – на Пулковской. Пешком – минут двадцать.

Для меня во время общения с Петром в его маленькой однокомнатной квартире открывались целые миры понятий, образов, историй русской словесности. Он, как штурман, безошибочно определял правильный курс для себя. Мне оставалось только следовать указанному маршруту, что я и делаю до сих пор.

В 1985 году Пётр перебрался в Москву, где учился на Высших литературных курсах. Там, в его обставленной книгами квартире на Мичуринском, он настаивал на моём переезде в столицу, именно с точки зрения участия в литературном процессе.

Пётр не только советовал, но и помогал. Так с его лёгкой руки я оказался летом 1987 года в скверике на Тверской, 25, где у памятника Герцену собрались будущие студенты.

Для поступления в Литинститут надо было

сначала пройти творческий конкурс, поэтому нам, счастливицам (а на место были десятки кандидатов), надо было пройти ещё и экзаменационный отбор.

В этом скверике мы и познакомились с Александром Росковым и Колей Харитоновым. Оба были из Архангельской области, и мы, как-то не сговариваясь, поселились вместе в одной комнате. Четвёртым к нам попал Арвидас Лапукас – литовский драматург.

Надо сказать, несмотря на престижность Литинститута, его общежитие на ул. Добролюбова было в удручающем состоянии. Хотя и располагалось оно в монументальном «сталинском» многоэтажном строении.

Дом внутри не ремонтировался, похоже, со дня заселения. Стены коридоров и комнат были обшарпаны и исписаны, разводы от протечек были повсюду, нехитрая обстановка комнат состояла из кроватей (по 4 штуки в комнате), такого же количества обшарпанных тумбочек и одного стола, стулья выдавались по одному в руки, но их, похоже, неоднократно использовали в виде орудий в рукопашном бою.

Бельё, правда, выдали чистое, хотя и застиранное до необычайной ветхости; полагались также тощие перьевые подушки в старых разводах и байковые одеяла, утончившиеся до определённой прозрачной изысканности.

Впрочем, в быту мы все были одинаково приспособлены, нас не пугало ничего: ни вокзальные туалеты с произведениями классиков в виде туалетной бумаги, ни отсутствие горячей воды – ничто не умаляло в нас чувство восторга от причастности к великому миру русской и советской литературы.

Ведь именно в этих коридорах жили и творили великие, ведь если добавить ещё помещения верхних этажей, где жили учащиеся Высших литературных курсов, то можно сказать, что через эти замызганные коридоры в том или ином виде (кто жил, а кто и приходил в гости) прошла вся существующая отечественная словесность.

Люди, как собаки на площадке, сходятся без объяснений причин.

Вот эти – вместе.

А вот эти – нет.

Потом уже выясняются похожие взгляды на жизнь, стыкуются мнения, обнаруживаются общие привычки и симпатии.

Но как сразу определяется то, что случается потом...

Коля Харитонов был постарше нас, к тому же

он был в прошлом участковым милиционером и писал прозу – ему сразу определилась роль старшего.

Он был авторитетен, спокоен, рассудителен.

Саша Росков был очень застенчивым, говорил заикаясь, жизнь была непростой, когда-то выпивал крепко, лечился, работал печником в далёком Каргополе. Но был чрезвычайно начитан, хорошо знал поэзию и писал очень русские и глубокие стихи. Поэзия жила в нём органично, и недостаток знаний, образованности с лихвой восполнял масштабом его дарования.

Арвидас Лапукас был для нас не совсем привычным, так как писал непонятно для нас жанре драматургии и был знаком с большим количеством известных людей в театральном мире, с которыми общался сам и водил с собой Александра, который впечатлялся от каждого посещения Дома актёра... Впечатлялся искренне, поскольку не выпивал.

Да и мы принимали совсем понемногу: во-первых, водка была по талонам – одна бутылка в руки в месяц; во-вторых, готовились к экзаменам.

Тогда же мы познакомились с Костей Савельевым из Харькова. За его плечами была не только карьера талантливого инженера, но и два года войны в Афганистане, про которую он ничего не рассказывал, но писал в стихах пронзительно и больно. Он потом после поступления стал жить в нашей комнате вместо Арвидаса, благополучно отчалившего вместе с Литвой.

Дружил с нами ещё и Витя Борисов из Вологды, с которым не так давно встретились и отметили тридцатилетие окончания Литинститута.

Когда я после очередного переезда нашёл Сашину письма, то удивился, что они не были утрачены в вихре житейских и мировых перемен, а стало быть, должны жить и дальше.

Самое ценное в нашей переписке – Сашины стихи.

Именно в эти времена и даты писалось то, что вошло в его прижизненные и посмертные книжки.

То, что нас переживёт и от нас останется, – стихи.

То, что нам (или кому-то ещё) нашептал Господь, то есть сподобил именно нас услышать в шелесте листы, в шорохе травы, в дуновении ветра, в гуле городов, в грохоте эпохи, в бессвязной человеческой речи...

В каждый конверт, помимо кратеньких житейских сообщений, Саша вкладывал законченные поэтические строки – иногда одно, иногда нес-

колько стихов, многие из которых вошли в космос русской поэзии. И я был одним из первых, кто читал эти строки.

После института мы виделись лишь один раз. Я прилетал вместе с Костей Савельевым на свадьбу в Архангельск, как раз незадолго до развала СССР.

Потом вихрь перемен разбросал нас всех, но не окончательно.

Мы созвонились с Костей и Александром и запланировали встречу у меня в Питере, готовились, созванивались, но нелепая смерть Александра не дала нам такой возможности.

Но остались стихи...

Жизнь и творчество замечательного русского поэта Александра Роскова – яркая глава в много-томной русской литературе.

ДРУЗЬЯМ

**А. Роскову
К. Савельеву**

*Друзья мои, простите мне,
Что я ещё живой,
А вы в небесной синеве
Парите надо мной.*

*Как раньше пелось и пилось,
Бывало, на троих,
Случилось так и так сбылось,
Что нет теперь двоих.*

*Коплю обиды и грехи,
Один бреду впотьмах,
А вы оставили стихи
И скрылись в облаках.*

*Бреду по кромке бытия
В толпе угрюмых лиц,
Но веет молодость моя
С зачитанных страниц.*

*Уже последний взят редут,
Туманит даль глаза,
Но пусть немного подождут
Поэта небеса.*

*А дальше – как это ни жаль –
Сомкнутся все пути.
Погаснет день. И вспыхнет даль,
И вечность впереди.*

Дмитрий Александрович МИЗГУЛИН

родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске.

Окончил Ленинградский финансово-экономический институт по специальности «финансы и кредит» и Литературный институт им. А. М. Горького.

Печатался в ведущих литературных журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Автор более десятка книг стихов и прозы.

Лауреат Всероссийской премии «Традиция», премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, им. Б. Корнилова, журнала «Наш современник» и др.

Лауреат премии Правительства Российской Федерации.

Член редакционного совета журнала «Север».

Член Союза писателей России.

26.10.1987 г.

Дмитрий, привет!

Спасибо тебе за письмо. Ты обещал написать более пространное, но такового я пока не получил.

Я, Дима, тоже занят работой. Кладу печи – зима поджигает – надо новый дом сдавать. Уезжаю из дома в 7 утра, приезжаю в 5 вечера.

Написал две контрольные и отправил в институт: одну по текущей советской литературе – рецензию на роман «Плаха» Ч. Айтматова; вторую – по античной литературе по «Царю Эдипу» Софокла.

А если читать всю литературу, которая рекомендована в методичках, – её за год не осилить – голова распухнет, и вообще с ума сойдёшь. Я и не читал. Просто взял, написал и отослал. Будь что будет. Теперь примусь за контрольную по современному русскому языку.

Да, Дима, Межиров говорил, чтобы мы, его «семинаристы», прислали на кафедру творчества к Новому году по 5-6 стихотворений, своих, разумеется. Кроме того, нужно прочесть стихи К. Случевского, И.Аннинского, Ф. Сологуба – отпечатать названия стихотворений, вернее составить список стихотворений, которые тебе понравятся, и отослать на кафедру творчества до Нового года.

Знаешь ли ты об этом?

В 9-м номере журнала «Наш современник» в статье «Не отгорят рябиновые кисти» ваша поэтесса Элида Дубровина разнесла в пух и прах ваших же ленинградских семитов. Читал ли ты эту статью? Если нет – прочти обязательно.

Альманах «Звено», как написали мне из редакции «Молодая гвардия», сдаётся в набор в ноябре этого года, а выходит весной. Там будет 18 моих стихотворений, если ничего не изменится.

Под Загорском хотели открыть памятник Сергию Радонежскому, уже объявлено было об открытии, и в день открытия там собрались и Белов, и Распутин, и многие хорошие люди, но машину с памятником менты завернули обратно в Москву, а фундамент памятника уничтожили.

О себе писать почти нечего.

Пиши о себе и обо всём.

Крепко жму руку и обнимаю тебя!

Твой Александр.

31.01.1988 г.

Димыч, дорогой, привет!

Спасибо за письмо. У меня такое тоже часто бывает. Хандра – имею в виду. Ничто кажется не милым и стихи свои – пошлыми, и жизнь – никчёмной.

Помнишь, Рубцов написал: «Вот, я думаю, стать волосатым паромщиком мне бы, только б это избрать, как другие смогли». Это, наверно, уже не изб-

рать, душа за всё болит, кругом столько несправедливости, у меня тоже, Димыч, и злобы, и ненависти хватает. Но, согласись, эти два фактора компенсируются любовью к той земле, которая нас родила, к народу, который нас окружает, а он, в большинстве, хороший, хотя и тёмный.

Конечно, в городе, да ещё в большом, жить тяжелее, перегрузки нервные и стрессы, очереди везде и всюду, и толпа кажется обыкновенной толпой, а не народом.

Дима, то, что с тобой (и со мной) происходит, – это свойственно всякой творческой личности. «Кто приумножает познания – приумножает скорбь» – так сказано ещё в Писании.

Да и творческая личность, по существу своему, всегда одинока. Такая уж участь наша. Не забывай, что ты прежде всего поэт, и поэт неплохой, со своей темой и видением мира. И преимущество есть у тебя – ты молод. Мои стихи в твоём возрасте были детским лепетом по сравнению с твоими. При встрече с тобой я почему-то сразу почувствовал: в нас есть что-то общее, именно хорошее общее. Димыч, ты думаешь, у меня жизнь лёгкая была и есть? Отнюдь! Когда, например, оказался в психушке, думал – всё кончено. Ан нет! Взлёты и падения (в том числе и душевные) нужны, опять же цитирую Рубцова: «Но если нет ни радости, ни горя – тогда не мни, что громко запоёшь». Перед нами всегда были и будут яркие примеры предшественников, тот же Рубцов: почти до смерти угла своего не имел, не говоря уже о работе, и принимали его (несведущие люди) за проходимца... Удивительно, где он брал силы для написания таких чистых стихов?!

Я только что бегал на пожар – у соседней баня загорелась, потушили быстро. Продолжаю письмо, только вот мысли сбились, которые хотел тебе высказать. Ну, ничего, к следующему письму восстановятся.

Посылаю тебе сборник, который в декабре в Москве вышел, – в нём первая моя столичная публикация. Как ты его находишь? Я кое-что подправил в своей подборке – как у меня есть.

Кой мне уже успела вернуться на переделку контрольная по современному русскому языку. Переделал и отослал обратно в институт. Остались ещё английский и практическая грамматика. Да, Дима, есть ли у тебя задание по практической грамматике? Нам его на занятиях давали на дом. Если нет – напиши – пришлю условия и номер упражнений.

Сейчас зима – печных работ нет, подвизаюсь в качестве плотника – в соседней деревне дом рубим. Уезжаю туда в 7 утра, возвращаюсь в 5 вечера. И выходной у меня один. Успеваю кое-что читать – журналов центральных кучу выписываю, стихи тоже, как и у

тебя, почти не пишутся. Пишет мне Коля Харитонов, от Арвидаса 3 письма было. Неделю назад пришло вдруг письмо от Толика Мельникова – не соберусь пока ответить – он мне несимпатичен, во время сессии, когда ты уже уехал, поведение его было «вашим – нашим». Кстати, он избран старостой анашенковского семинара, где и Коля Харитонов.

Позавчера получил 1-й номер ж-ла «Москва», там начало романа моего самого любимого прозаика Виктора Астафьева – «Зрячий посох» и начало 1-го тома «Истории Государства Российского» Карамзина. Почитать есть что.

Пиши, Дмитрий! Обнимаю тебя, твой А. Росков.

Да, пришли, пожалуйста, стихотворение твоё – ты его как-то читал, оно хорошее – строфы 3 – про памятник Петру I.

Буду очень благодарен. Посылаю 2 своих – новых.

Цитирую понравившиеся строчки из романа Астафьева «Зрячий посох»: «И не надо изображать дело так, будто у ворот Союза писателей, у парадного подъезда, под вывеской «Добро пожаловать!» с утра до вечера стоят Марков и Михалков с хлебом-солью и трелетной ладонью глядят молодые дарования, умиленно повторяя: «Проходите, пожалуйста!»

Ничего, а, Димыч?!

18.02.1988 г.

Димыч, привет!

Спасибо за письмо и стихи! Задним числом поздравляю тебя с литературными успехами – ты ж молчал о них в Москве. Рад за тебя! А то, что ты северянин – и говоришь об этом с достоинством, – делает тебе честь. Согласен, Дима, со всеми твоими рассуждениями. Главное – во всех жизненных ситуациях быть и оставаться человеком. А сколько нам суждено жить и что мы ещё напишем – хорошо, что об этом не дано знать. Я, например, согласен на любые жертвы, лишь бы писались стихи. Не мне говорить тебе, с каким трудом они даются. Когда не пишется – я очень плохо себя чувствую. Фальшиво же писать всегда можно, но этого делать не хочется. Главное в жизни – стихи, на остальное наплевать. А сколько времени отнимают работа, бытовые мелочи и т.д. и т.п. Какой-то заколдованный круг получается. Как это сказано: «Живёшь – колотишься, еб...ь – торопишься, жрёшь – давишься, – хер когда поправишься».

Но очень отраднo сознавать, что у меня появились друзья, единомышленники. Ты вот, Дима, Костя Савельев – я писал тебе о нём, он из Харькова, в семинаре у Дементьева. То, что есть люди, которые думают и мыслят как я, у которых чувства совести и чести – обострённые чувства, и жив в них русский

дух, именно русский, а не советский – явление редкое для нашего времени.

Будем же верны призыву Поэта:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг – Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

У меня всё по-прежнему. Живу, дружу с топом, дом вот срубили, сейчас хлев рубим – мода такая пошла, дом совхоз строит и к нему все причиндалы. Контрольные все отослал, стихи пишутся еле-еле – посылаю тебе 2 последних – не «фонтаны», конечно, но что поделаешь.

От Коли Харитонova получил печальное письмо – он решил бросить учёбу в Литинституте. Нагрузки не выдерживает. От кого – от него не ожидал. Жалко – земляк ведь, да и привык я к нему за месяц московской жизни. Надёжный он человек, русский, хотя со своими причудами и откровенной прямолинейностью. Жаль, что он сходит с дистанции первым. Так что, Дима, будем живы – приедешь весной в Москву – заселяйся в 317-ю комнату.

Контрольные (по твоему списку и моему) ты написал все. Практическая грамматика: найди учебник Кайдаловой и Калининой «Современная русская орфография», 1983 г., Москва. Там в конце есть упражнения, сделай упражнения № 6, 13, 15, 19, 25, 36, 42, 46, 54, 65. Правда, мы там все были разбиты на 4 группы по алфавиту – в какой ты – не знаю, но пошли в деканат – там разберутся.

Переписываю для тебя одно из «афганских» стихов Кости Савельева:

*Танкиста по трапу несут в самолёт.
Обрублено сильное тело,
В эфирном угаре запёкшийся рот
И простыни краешек белый.
О, трап самолётный! Сбежишь сверху вниз
На аэродромные плиты,
А снизу заносят глухих и немых,
Тугими бинтами повитых.
Здесь звёзд золочёных не видят во сне,
Здесь прощя подводят итоги.
Что звёзды, когда остаётся в цене
Немного: руки да ноги.
Здесь, может быть, завтра нас пуля найдёт,
На землю горячую бросит...
Танкиста по трапу несут в самолёт,
А сверху патроны выносят.*

Что скажешь о стихотворении? И о моих 2-х заодно? Дима, жду от тебя стих тот о Петре, вернее – о памятнике Петру I. Чего ж не прислал? А стихи в газетных вырезках – хорошие стихи, старик! Особенно строфа:

*И да грозить будем мы
 Всяким крикливым хазарам.
 Древнюю русскую речь
 Не разбазаривай даром. – Ох...ть!*

Желаю тебе аналогичных стихов! И всего доброго!
 Обнимаю тебя.
 Твой Шура.
 Пиши, Димыч, о себе и обо всём.

20.03.1988 г.

Димыч, дорогой, здравствуй!
 Спасибо тебе за письмо и стихи. Стихи хорошие – есть в них светлое и грустное чувство. Во всех. А строчки:

*Но всё же где горел костёр,
 Трава годами не растёт... – отличные.*

По-моему, они очень подходят как раз к отгоревшей в душе любви. Я сам пережил подобное несколько раз, и твои лирические стихи мне очень, очень близки. Как ты, Дима? Я ведь не знаю почти ничего о твоей жизни. Как ты живёшь, с кем, есть ли у тебя любимая женщина? У меня пока нет. С того, как я любил последний раз, прошло уже 3 года, но любовь эта сидит во мне до сих пор, а женщина та далеко, но, может быть, наши дороги всё же сойдутся опять, я жду этого и боюсь. Вообще-то, бабы не для каждого поэта – счастье. Ведь сказано: «Поэт должен жить в изгнании, хотя б от собственной жены». Но они вдохновляют всё-таки, сколько благодаря им написано на земле гениальных произведений!

Ну ладно, оставим пока баб в покое.

Коле Харитонову я написал письмо, полное горечи, ответ уже получил – решение его окончательное и обжалованию не подлежит. Всё-таки, мне кажется, он не прав. Архангельск та же провинция, там можно окончательно засохнуть. Жаль Колю, жаль...

Да, Дима, условий для писания стихов у нас – никаких. И поэтому нужно писать, доказывать тем, кто создаёт нам эти условия (а в первую голову доказывать себе), что писать можно в любых условиях. Тут есть две стороны медали. Бывает и так – создай условия поэту, дай ему всё – он начнёт нести такую ахинею... об авторе которой можно сказать:

*Однажды стукнут был трамваем
 И с той поры стихи пишу.*

Кто ищет лёгкие дороги в литературе, тот легко и пишет.

Старик! То, что иногда стихи не пишутся, не переживай особенно, это естественно. «Чем продолжительнее молчанье, тем удивительнее речь» – сказано не нами. Стихи иногда приходят совсем не в то время, когда их ждёшь. Ты только проникнись

мыслью, осознай для себя, что ты поэт, – это очень важно. А так ведь и есть на самом деле.

Недавно я ездил в Каргополь к Саше Логинову (его стихи есть в книжке «У северных широт»). Хвастался перед ним и его женой (она 3 года училась в Литинституте) твоими стихами. Логинов говорит: «Я не ожидал, что в Ленинграде есть такие серьёзные люди и такие хорошие стихи пишут». – «Так почти земляк, – говорю про тебя, – северянин». – «Ну, это меняет дело», – говорит Логинов.

Кстати, в «Лит. учёбе» № 1 за этот год под рубрикой «Вторая встреча» стихи его и статья о нём Александра Михайлова. Логинов был у него в семинаре в Литинституте.

Мне пришла «цидуля» (вторично) из Северо-Западного книжного издательства. Требуют рукопись сборника. Во второй раз как-то неудобно отказывать. Сидел вот вечерами целую неделю, стихи печатал, отпечатал 80 штук, завтра отошлю им. Рискует или нет напечатать сборник, интересно? Ну, время покажет. В местных издательствах книжка выходит в течение 3-4 лет, так что времени в запасе много.

А пишущая машинка за эту неделю так мне надоела – смотреть на неё не могу спокойно. Отпечатал сейчас 2 новых стихотворения – сколько ошибок насажал. Посылаю тебе, Дима, эти стихи. Что можешь о них сказать? Эти же стихи посылаю и Витьке Борису в Вологду, он мне изредка пишет, недавно книжку хорошую прислал «Вологодские зори» – там все их поэты и писатели собраны. Прислал также «Звезду полей» Николая Рубцова, недавнего издания в «Детской литературе».

На этом, наверное, закончу.

Дима, я всегда о тебе помню и жду встречи с тобой!

Пиши о себе – в Ленинграде, наверное, событий и культурных и разных больше, чем у меня в деревне.

Обнимаю тебя.

Твой Шура.

09.04.1988 г.

Христос Воскресе, Дмитрий!

Я всегда рад твоим письмам. И ещё признаюсь, рад несказанно, что в твоём лице встретил истинно русского поэта. Мне очень и очень не хватало как раз именно этого события в моей жизни. Окружение моё (литературное) до сих пор было весьма и весьма сомнительное – в Москве, имею в виду, когда я там бывал.

Но сколько бы ни пичкали меня разными там Мандельштамами, Эренбургами и т. д. – по рождению, по крови, по духу я русский, и этого из меня никому не вышибить. А такая это редкость теперь – русские стихи, и человек, болеющий

душой за Россию. Это всё присуще тебе, старик! И хочется надеяться, что наше с тобой знакомство никогда не прервётся и перерастёт в нечто большее, чем знакомство. Назло всем – будем жить! Потому что не жить нельзя, и именно в это время, когда русская нация почти на краю – сколько лет калёным железом вытравили из русского народа всё русское. Но есть, были и будут подвижники на Руси, которыми жива она и которые живы ей.

Димыч, я бы очень хотел, чтоб ты побывал у меня в чисто русской глубинке, где всё родное и близкое нашим душам, где почти ничего ещё не тронута цивилизацией, где народ и не подозревал о существовании каких-то там евреев, и вообще убеждён, что в России кроме русских никто и не живёт.

Живу я по-старому. Получил вызов на сессию. Надеюсь, ты тоже получил его. Ещё хочу тебя порадовать: Коля Харитонов то ли под влиянием моих писем, то ли ещё чего-то изменил своё решение – он будет учиться в Литинституте. Но всё равно, Дима, приедешь в Москву, заселяйся в одну комнату с нами – на место Витьки Борисова, всё равно комнату, в которой ты жил (315), после твоего отъезда оккупировали драматурги под предводительством Арвидаса.

В конце апреля думаю посетить Архангельск – я от него в 300 километрах живу. Область наша, слава Богу, как была губернией, так ею и осталась – ни конца ни краю ей нет. Навещу Колю Харитонову, ещё крестник у меня живёт там, он старше меня на два года, тоже стихи пишет. А.Ипатов, которому посвящено стихотворение, которое тебе посылаю, – мой крестник «в натуре», он крестился у нас в Каргополе: я его крёстный отец, так и записано в церковной метрике.

Из твоих стихов, ныне присланных, – очень понравилась строфа

*Смотрю, как ворон в небесах повис,
Как, замирая, зорко смотрит вниз,
Как мрачно тень вороньего крыла
На купол позолоченный легла.*

Согласись, моё стихотворение со строчкой Рубцова перекликается с этими твоими строками?!

Старик! Надеюсь увидеть тебя в Москве живым и здоровым. Рад буду послушать твои умные речи, а в том, что они умные, – сомнений нет ни у меня, ни у Коли Харитонova.

Ну, если всё будет хорошо (даст Бог) – до встречи, Димыч!

Обнимаю тебя.

Твой Шура.

19.08.1988 г.

Преображение Господне.

Димыч, дорогой, здравствуй!

Спасибо тебе за весточку! Несколько раз собирался написать по твоему адресу, но как-то всё не получалось. То одно, то другое. Хоть и в деревне вроде живу, а хлопот полон рот.

Костя тебе рассказал, наверное, о моём житье-бытье. Как тут меня с печами мучают и всё прочее. Когда Костя уехал, я очень скучал. Всё-таки родственная душа в кои-то веки меня навестила. Вот если бы и ты с нами был! Если будем живы и будем продолжать учёбу в нашем «лицее» – договоримся: где и когда соберёмся все вместе. Мы с Костей тут часто тебя вспоминали. Костя обещал мне написать по приезду от тебя, но почему-то ничего от него нет. Будешь звонить ему – передавай поклон от меня. Я вот тут стихок накропал и посвятил Косте. Как ты его находишь? Можно ли мне вынести его на Костин суд? Напиши!

Послал я твои стихи П. Горелову. Ещё в июне, и адрес твой. От него – ни приветов ни ответов. Бог простит!

Коле Харитонову я не писал пока. Он тоже не пишет.

Контрольные кое-как накропал и отослал в институт.

Ходил два раза в лес за рыжиками. Даст Бог – осенью привезу баночку в общагу. Костя говорил – не представляю, как можно рыжики есть без водки!!!

Дима, ты говорил, что у тебя осенью будут какие-то трудности на работе. Но ведь ты приедешь на сессию? Да?

Не сомневаюсь в этом, очень хочется тебя увидеть.

Стихи у меня идут со скрипом. Депрессия какая-то почти всё лето. Приезд Кости немного поднял настроение.

А так – бывают дни, когда всё делается безразличным.

Ещё раз, Дима, – спасибо за письмо!

Я тебя всегда люблю и помню!

Спасибо за стихи! Стихи отличные!

Надеюсь получить от тебя ещё весточку до осени.

Обнимаю тебя.

Твой А. Росков.

Александр Александрович РОСКОВ

родился 26 июня 1954 года в Архангельской области.
 Работал в издательстве «Северная неделя» корреспондентом,
 замредактора, редактором ряда газет.
 В 1989 году стал членом Союза писателей России.
 Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.
 Стихи публиковались в альманахах «День поэзии»,
 «Красная пристань», «Белый пароход»,
 в журналах «Север», «Двина», «Новая книга России»,
 «Москва», «Роман-журнал. 21 век», «Наши современники»,
 а также в коллективных сборниках и антологиях.
 Лауреат премий имени Николая Рубцова, Фёдора Абрамова,
 премии «Имперская культура», имени философа Э. Володина.
 В апреле 2011 года на Славянском литературном фестивале
 «Золотой витязь» был награжден почетным
 «Золотым дипломом» как «Лучший поэт современной России».
 13 июня 2011 года, так и не придя в сознание
 после дорожной аварии, скончался в архангельской больнице.

НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ

На могилах бывших генералов
 Памятники, бюсты «ох» и «ах»!
 Впрочем, удивительного мало —
 Генералы — люди при деньгах.

Поглядишь, подумаешь: «Однако...»
 Грандиозен генералитет!
 А Твардовский, Чехов и Булгаков
 Заслужили бюсты или нет?!

«Правильно!» — одно бы только слово
 Падало с людских довольных уст.
 Если б над могилой Смелякова
 Высился пятиметровый бюст.

Государство, что ли, обнищало?..
 Почему ж тогда из года в год
 На гранитных гордых генералов
 Смотрит с недоверием народ?

Почему ж тогда мрачнеют лица
 Тех людей, что через всю страну
 Ехали сюда, чтоб поклониться
 Гоголю, Толстому, Шукшину?

Вот Кассиль, Маршак. Вот Маяковский
 Смотрит с красномраморной стены...
 А Булгаков, Чехов и Твардовский —
 Пасынки Руси или сыны?!

* * *

Махал всю зиму топором,
 Семье приезжей ставил дом,
 Спустился с новеньких хором
 И написал про то пером.

Когда воскрес из мёртвых гнус,
 Когда убрался лёд с реки,
 Воткнул топор в сосновый брус,
 Ушёл на лето в печники.

И гром гремел, и дождик лил,
 И солнце резало глаза,
 А я всё печи мастерил,
 Пускал думы под небеса.

Вином и водкой каждый дым
 С хозяевами обмывал,
 Весёлым был и был хмельным,
 А к осени затосковал.

Чтобы развеять ту тоску,
 Чтоб не пропасть от пьянства тут,
 Махнул в осеннюю Москву
 И поступил в Литинститут.

Опять топориком машу
 Вторую зиму напролёт,
 По вечерам стихи пишу,
 А жизнь бежит, а жизнь идёт,

Таю мечту с недавних пор:
 «Вернутся красные деньки —
 Влеплю в сосновый брус топор,
 Уйду на лето в печники...»

1987

* * *

Н. Мишину

Людам в городе трудно, как птицам...
 Чтоб народ от невзгод уберечь,
 Посредине великой столицы
 Я поставил бы русскую печь.

Но сначала (поскольку не нужен)
 Осушил бы искусственный пруд,
 Осмотрел бы, обстучал снаружи
 Весь фундамент, что прячется тут.

Объявил бы народу: «Несите
 Вашу лепту — раствор, кирпичи».
 И на месте, где взорван Спаситель,
 Основал бы начало печи.

И поставил бы печку такую —
 С православным крестом на челе
 (Нет, за всех говорить не рискую),
 Но чтоб русские жили в тепле.

Чтоб в холодные, снежные зимы
 Каждый русский из вас, москвичи
 (И не только морозом гонимый),
 Смог погреться у этой печи.

Чтобы в центре советской столицы
 Раздавалась российская речь,
 И светились улыбки на лицах,
 И топилась бы русская печь.

Чтоб огонь с неслабеющей силой
 Нагревал бы печные бока...
 Чтоб частицу тепла доносило
 До возвышенных залов ЦК.

Сентябрь 1987 г.

КАЗНЬ БОЛОТНИКОВА В КАРГОПОЛЕ

Скрипит под подошвами наст,
 Луна над Онегой маячит,
 Глазницы пустые без глаз
 Кровавыми каплями плачут.

Дрожащий «струмент» палача
 Оставил без зрения «вора»,
 Сам «вор», кандалами бренча,
 Бредёт под стрелецким надзором.

Простуженный голос: «Стоять!
 Слеп, чай. Доспели, голуба».
 «Эх, вольная воля моя», —
 Шепнули разбитые губы.

Вздых тяжкий, укол бердыша:
 «На всё воля царская, голубь...»
 Качнулась, морозно дыша,
 Холодная чёрная прорубь.

И, вытерев шапкой лицо,
 Отрывисто молвил и глухо
 Один из вспотевших стрельцов:
 «Да будет вода ему... пухом».

Александр РОСКОВ
(26.06.1954 – 13.06.2011)

Александр Александрович Росков родился 26 июня 1954 года в деревне Диковской (Сташево) Каргопольского района Архангельской области. До 35 лет жил в деревне Ловзанга (Жуковская) в 15 км от Каргополя. Зимой работал в совхозе плотником, а летом – печником. Переехав в Архангельск, работал в издательстве «Северная неделя» корреспондентом, замредактора, редактором ряда газет.

В 1989 году стал членом Союза писателей России. В 1993 году заочно окончил Литературный институт имени Горького (факультет поэзии, семинар А.Л. Межирова).

Стихи публиковались в альманахах «День поэзии», «Красная пристань», «Белый пароход», в журналах «Север», «Двина», «Новая книга России», «Москва», «Роман-журнал. 21 век», «Наш современник», «Дон», а также в коллективных сборниках и антологиях.

Лауреат премий имени Николая Рубцова, Фёдора Абрамова, премии «Имперская культура», имени православного философа Эдуарда Володина. В апреле 2011 года на Славянском литературном фестивале «Золотой витязь» был награжден почетным «Золотым дипломом» как «Лучший поэт современной России».

13 июня 2011 года, так и не придя в сознание после дорожной аварии, скончался в архангельской больнице.

Александр Александрович Росков родился в 1954 году в деревне Диковской Каргопольского района Архангельской области. Окончил среднюю школу в г. Каргополе, затем СПТУ №1 по специальности «каменщик-печник». Служил в Советской армии, после нее долгое время жил на родине, работал плотником и печником. Стихи начал писать с 15 лет. В 1977 г. впервые опубликовал их в районной газете. В 1987 году вышел сборник «У северных широт», в котором были напечатаны 10 стихов А.Роскова. В 1989 году был принят в Союз писателей.

1989 год – особенный в творческой биографии Александра Роскова. Издательство «Молодая гвардия» напечатало в альманахе «Истоки» подборку его стихов. Стихи получили признание читателей и критики (награжден премией молодежной редакции издательства «Молодая гвардия»). В том же году на 9-м Всесоюзном совещании молодых литераторов в Москве Александр Росков принят в Союз писателей России.

В 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник стихов четырех авторов, среди которых – А.Росков.

В 1996 году за книгу стихов «Всё, что осталось от лета» поэт награжден литературной премией имени Николая Рубцова комитета по культуре и искусству администрации Архангельской области. В 1999 году в Северодвинске вышел ещё один сборник стихов – «Опознавательные знаки». В 2004 го-

ду за повесть «В ночь с пятницы на понедельник» Александр Росков был удостоен Всероссийской премии имени Фёдора Абрамова. В этом же году вышла книга стихов «Родину мою оплакать...», которая принесла поэту премию им.Э.Ф. Володина, учрежденную Союзом писателей России, журналом «Новая книга России», Фондом святителя Иоанна Златоуста и ИИПК «Ихтиос». Подборки стихов А. Роскова публиковались в коллективных сборниках в Архангельске и Москве, в альманахах «День поэзии», «Красная пристань», «Белый пароход», в журналах «Север», «Двина», «Новая книга России», «Москва», «Слово-Word» (Нью-Йорк, США). Стихи поэта включены в литературно-публицистический сборник «Эпоха перемен», вышедший на шведском, английском, финском и норвежском языках в 1999-2000 годах в Скандинавии, в Антологию стран Баренц-региона «Здесь начинаются дороги» (2001), изданную на шести языках, в Антологию авторской песни. Цикл стихов «А мне – далекий монастырь» размещен в интернете на православном сайте «Русское Воскресение», а стихотворение «Памяти Николая Рубцова» – на сайте Н.Рубцова.

В апреле 2011 года, незадолго до трагической гибели, на Славянском литературном фестивале «Золотой витязь» А.Росков был награжден почетным «Золотым дипломом» как «Лучший поэт современной России».

Жил в Архангельске. Работал в издательстве «Северная неделя» редактором газет «Дачная», «Завалинка», «Травинка», «Академия хорошего здоровья», выходящих на всю Россию.

Скончался 13 июня 2011 г. от травм, полученных в ДТП, случившемся 10 июня. Похоронен в Архангельске на Кузнечевском (Вологодском) кладбище.

Сочинения

Стихи из деревни //Истоки : альманах. – М., 1988. – С.223-240.

Кибилов Т. Общие места / Т. Кибилов. Спаси меня! / А. Хабаров. Встречи / В. Смык. Стихи из деревни / А. Росков. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 108 с.

Все, что осталось от лета / Худож. Р.С.Климов. – Архангельск : Сев.-Зап.кн.изд-во, 1994. – 159 с.

Из далекой дали: [стихи] // Белый пароход. 1997. – №2. – С.62.

От Покрова до Пасхи : стихи // Красная пристань: Лит.-худож. альм. – 1998. – №1. – С.222-227.

Опознавательные знаки : стихи 1995–1999. – Северодвинск : Сев. неделя, 1999. – 133 с.

Всю осень деревня дремала... // Здесь начинаются дороги : антология писателей Баренц-региона / Ред. В. Лемесов. – Архангельск, 2001. – С.97.

Небесные луга [Текст] : [Стихи] / А. Росков // Двина. – 2002. – № 2. – С.3-6.

Родник : [Стихи] // Двина. – 2003. – №4. – С.8-10.

В ночь с пятницы на понедельник : повесть / [послел. М. Попова]. – Архангельск : [б. и.], 2004 (Онега). – 266 с. : ил.

Родину мою оплакать... : стихи. – Архангельск : [б. и.], 2004 (Онега : ГУП «Онеж. тип.»). – 278 с.

Вот моя деревня : стихи. – Архангельск : [б. и.], 2005 (ГУП «Онеж. тип.»). – 55 с.

С пейзажем северным портреты... : стихи. – Архангельск : [б. и.], 2007 (Онежская типография). – 131 с.

А мне – далекий монастырь... : стихи. – Архангельск : [б. и.], 2009 (ГУП «Онеж. тип.»). – 133 с.

Украденное небо : избранные стихотворения / вступ. ст. Е. Ш. Галимовой. – Архангельск : [Правда Севера], 2010. – 351 с. – (Серия «Лауреаты литературной премии им. Н. Рубцова») (Библиотека журнала «Двина» / Арханг. отд. Союза писателей России).

Избранное : стихи / [сост.: Людмила Сидорина (Роскова)]. – Москва : Сибирская благовонница, 2012. – 564, [10] с. : ил.

Мои печи топятся и греют : стихи / [сост. Людмила Сидорина (Роскова)]. – Москва : Сибирская благовонница, 2012. – 286 с. : ил.